

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 005.2

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-2

Оригинальная статья

Адамьянц Т. З.

**Человек в цифровой среде: к проблеме городского
и регионального развития**

Институт социологии – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
улица Кржижановского, дом 24/35, корпус 5, Москва, 117218, Россия
tamara-adamiants@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается проблема социальной целесообразности комплексного подхода к задачам городского и регионального развития. По мнению автора, такой подход должен включать не только совершенствование жизненной среды современного человека благодаря широкому распространению информационно-коммуникационных технологий, но и совершенствование менталитета самих людей, проживающих в так называемых «умных» городах, поселках, сёлах и прочих населенных пунктах. С одной стороны, результатом тотальной цифровизации и прихода искусственного интеллекта оказалось большое число предпочтений для каждого жителя, в числе которых новые, более комфортные условия труда, отдыха, решения бытовых и прочих проблем, неограниченные возможности получения информации, самостоятельного творчества и проявления личностных позиций. С другой стороны, каждый человек встречается, независимо от места его проживания, с большим числом ментальных провокаций, содержащихся в глобальном социокультурном пространстве и направленных на качественные изменения в «картинах мира» (системе ценностей) наших соотечественников. Учитывая обозначенную дихотомию, совершенствование (условного) менталитета «умных» городов, поселков, сел и т.д. должно сопровождаться совершенствованием менталитета и проживающих в них людей. Актуальность проблемы и ее решения обусловлена ведущимися в современном социокультурном пространстве информационно-смысловыми войнами. Наши соотечественники должны обладать навыками адекватного понимания глубинных смыслов в воспринимаемых ими произведениях, материалах, сайтах, блогах, фильмах, рекламе и т.д., уметь принимать взвешенные самостоятельные решения, не оказываясь при этом «жертвами» технологий воздействия и манипулирования. Факт формального приобщения человека к миру цифры проблемы не решает. В статье приводятся данные серии комплексных исследований с использованием метода интенционального (мотивационно-целевого) анализа о разном

уровне (качестве) понимания смысловых доминант среди респондентов, являющихся постоянными пользователями Интернета. Показательно, что социально значимые характеристики представителей группы с высоким уровнем понимания глубинных смыслов (группа адекватного понимания) оказались более выигрышными по сравнению с аналогичными характеристиками респондентов, такими навыками не обладающими. Критерием содержащихся здесь выводов и оценок оказалось соответствие исследовательских данных задачам гармоничного развития, эффективной социализации и социальной адаптации наших соотечественников.

Ключевые слова: городское и региональное развитие; человек; цифровая среда; умный город; понимание; смысл; семиосоциопсихология; мотивационно-целевой анализ; навыки понимания; социализация; социальная адаптация

Информация для цитирования: Адамьянц Т. З. Человек в цифровой среде: к проблеме городского и регионального развития // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 2. С. 9-20. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-2.

Original article

Tamara Z. Adamyants | **A person in a digital environment: on the problem of urban and regional development**

Institute of Sociology - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
tamara-adamiants@yandex.ru

Abstract. The article raises the problem of the social expediency of an integrated approach to the tasks of urban and regional development. According to the author, such an approach should include not only improving the living environment of a modern person due to the widespread use of information and communication technologies, but also improving the mentality of the people themselves living in so-called “smart” cities, towns, villages and other settlements. On the one hand, the result of total digitalization and the advent of artificial intelligence turned out to be a large number of preferences for each resident, including new, more comfortable working conditions, recreation, solutions to household and other problems, independent creativity and unlimited opportunities for obtaining information, independent creativity and manifestation of personal positions. On the other hand, every person, regardless of their place of residence, encounters a large number of mental provocations contained in the global socio-cultural space and aimed at qualitative changes in the “worldviews” (value system) of our compatriots. Given the indicated dichotomy, the improvement of the (conditional) mentality of “smart” cities, towns, villages, etc. should be accompanied by the improvement of the mentality and the people living in them. The relevance of the problem and its solution is due to the ongoing information and semantic wars in the modern socio-cultural space. Our compatriots must have the skills to adequately understand the deep meanings in the works, materials, websites, blogs, films, advertising, etc. perceived by them, be able to make informed independent decisions without being “victims” of influence and manipulation technologies. The fact of formally introducing a person to the world of numbers does not solve the problem. The article presents data

from a series of comprehensive studies using the method of intentional (motive-target) analysis on the different level (quality) of understanding semantic dominants among respondents who are regular Internet users. It is significant that socially significant characteristics of representatives of the group with a high level of understanding of deep meanings (the group of adequate understanding) turned out to be more advantageous compared to similar characteristics of respondents who did not possess such skills. The criterion of the conclusions and assessments contained here turned out to be the correspondence of the research data to the tasks of harmonious development, effective socialization and social adaptation of our compatriots.

Keywords: urban and regional development; human; digital environment; smart city; understanding; meaning; semiosociopsychology; understanding skills; intentional (motive-target) analysis; socialization; social adaptation

Information for citation: Adamyants, T. Z. (2024), "A person in a digital environment: on the problem of urban and regional development", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (2), 9-20. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-2.

Введение (Introduction). Широкое распространение Интернета и информационно-коммуникационных технологий, безграничная, общедоступная и разнонаправленная социокультурная среда, развитие и распространение возможностей искусственного интеллекта, возникновение (или перестройка на основе уже существующих) так называемых «умных» городов, поселков, сел, домов и т.д. – все эти качественно новые компоненты жизненной среды современного человека не могут не учитываться при определении стратегий социально ориентированного городского и регионального развития.

Комплексный подход к городскому и региональному развитию должен включать не только задачи качественного совершенствования жизненной среды современного человека, но и задачи совершенствования самого человека в новой для него жизненной среде. Речь идет о гармоничных взаимообращённых и взаимодополняющих процессах в системе «человек – жизненная среда». Традиция учета человеческой составляющей в социальном управлении началась в прошлом веке в поисковых исследованиях межведомственного научного коллектива на базе Института социологии РАН под руководством доктора психологических наук, профессора социологии Т. М. Дридзе (Прогнозное..., 1994) и активно продолжается в настоящее время (Тихонов и

Богданов, 2020; Шилова и Богданов, 2022; Расходчиков, 2022).

Массовое применение номинации «умные» для современных городов, поселков, сел, домов, гаджетов, приборов и т.д. вызывает ассоциативные вопросы: можно ли такое же определение отнести и к большинству людей, населяющих «умные» города, поселки, села или дома? пользующихся «умными» гаджетами, компьютерами и сложными цифровыми приборами? Совершенствование (условного) менталитета цифровых устройств должно сопровождаться совершенствованием менталитета и самих людей; актуален тезис «умные люди для умных городов» (Адамьянц, 2023).

Вызовы и инновации тотальной компьютеризации и цифровизации требуют от наших соотечественников не только освоения новых и сверхновых технико-технологических возможностей и предпочтений (навыков управления машинами, механизмами, устройствами, приборами, пользования компьютерными программами, поиска и получения информации и т.д.), но и навыков понимания и ориентирования в социально-коммуникационной сфере мира цифры (имеются в виду интернет-каналы и платформы, сайты, блоги, социальные сети, фильмы, мультфильмы, электронные библиотеки и энциклопедии, учебники и учебные пособия, реклама и т.д.). Имеются в

виду не директивные требования или медицинские показатели, а особого рода личностные ментальные навыки (способности), позволяющие *адекватно (то есть так, как это и есть и на самом деле)*, понимать латентные смыслы воспринятых произведений и материалов, независимо от того, где они были размещены и какие изобразительно-выразительные средства были при этом использованы (Адамьянц, 2015).

Важный аспект комплексного городского и регионального развития, следовательно, связан с массовым развитием навыков понимания и, соответственно, ориентирования в сложной и разнонаправленной социально-коммуникационной сфере цифрового мира. Решение обозначенной проблемы будет способствовать эффективной социальной адаптации наших соотечественников, прежде всего молодежи, к осознанным действиям и взаимодействиям в цифровой среде; имеется в виду «...приспособление, освоение, как правило, активное, личностью или группой новых для нее социальных условий или социальной среды... как такой социальный процесс, в котором и адаптант, и социальная среда ... активно взаимодействуют, оказывают активное воздействие друг на друга...» (Леверовская и Балцевич, 2003).

Актуальность проблемы и ее решения обусловлены ведущимися в глобальном пространстве Интернета информационно-смысловыми войнами, использующими манипуляционные технологии и направленными на качественные изменения в «картинах мира» (социальных представлениях, системе ценностей) населения нашей страны. Успешное решение проблемы позволит посетителям Интернета, равно как и пользователям «умных» приборов, механизмов и т.д., не оказываться «жертвами»

воздействий и манипуляций и, как следствие, принимать взвешенные самостоятельные решения.

Проблема актуальна также в связи с поставленной перед нашим обществом задачей, которая не ставится ни в одной стране мира, – задачей воспитания «гармонично развитой и социально ответственной личности»¹. Закономерно, что основное внимание при решении обозначенной задачи следует ориентировать на современную молодежь: от молодого поколения зависит будущее общества, страны, планеты (Зубок, Чупров, 2017).

Методология и методы (Methodology and Methods). Методическими и методическими основаниями проведенного нами анализа оказалась семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации и разработанный в её рамках метод интенционального (мотивационно-целевого) анализа (Дридзе, 1984; Дридзе, 2000), пользуясь которым можно, во-первых, изучать особенности («качество») понимания респондентом латентных смыслов в воспринимаемых им произведениях/материалах вне зависимости от их художественно-выразительных особенностей и, во-вторых, проводить специальные обучающие мероприятия по развитию навыков понимания.

Ключевым положением концепции является утверждение о наличии в каждом целостном, завершённом коммуникативном акте (произведении, материале, устном выступлении, фильме, пропагандистской кампании и т.д.) виртуальной иерархически организованной структуры коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на авторскую интенцию, или *смысл* (что именно автор *хотел сказать, выразить, донести*, что у него «*сказалось*»), с учетом его целей и не всегда осознанных мотивов. В отличие от постмодер-

¹ Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030

года» от 21 июля 2020 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 11.02.2024).

нистских концепций, декларирующих многозначность и индивидуальный характер смыслов (Gadamer, 1976, Фуко, 1994), *понимание рассматривается здесь как «смысловой контакт», или ментальное постижение авторской интенции, которая трактуется как «равнодействующая мотивов и целей общения и взаимодействия людей...»* (Дридзе, 2000: 16).

Смысл любого целостного, завершеного коммуникативного акта константен, поскольку на материальном плане он уже реализовался посредством имеющихся в распоряжении автора изобразительно-выразительных средств (это могут быть слова и фразы, жесты, мимика, звуки, кадры, фото, видео и т.д.), а также, что принципиально важно, особенностей их взаимодействия между собой.

Назовем типичный состав уровней виртуальной смысловой (мотивационно-целевой) структуры:

- 1) авторская интенциональность, или смысл (вершина структуры, чаще всего вербально не выражена);
- 2) тезисы – антитезисы;
- 3) аргументы – контраргументы;
- 4) иллюстрации – контриллюстрации;
- 5) фоны;
- 6) фоны к фонам и т.д. (нижние уровни структуры).

В зависимости от комплекса авторских мотивов и целей, тематики и избранных средств выражения, наличие тех или уровней, равно как особенности их взаимодействия между собой в рамках каждого отдельного коммуникативного акта различаются: какие-то уровни, например, могут превалировать, а какие-то – и вовсе отсутствовать. Все уровни виртуальной структуры «пронизывает» *проблемная ситуация* (может быть, как виртуальной, так и обозначенной вербально), ставшая побудительным стимулом к «проявлению» авторских мотивов и целей и, соответственно, созданию произведения/материала; напрашивается аналогия со схематичным изображением дерева.

Методика выявления латентных смыслов в исследовательской работе происходит по принципу абдукции (Peirce, 1976) – универсальной познавательной процедуры, основанной на ментальном продвижении «снизу-вверх», сопровождаемом выдвижением и опровержением гипотез о том, что именно хотел сказать, выразить (или утаить) автор, что у него «сказалось»: от деталей, подробностей, иллюстраций – к аргументам-контраргументам, тезисам-контртезисам и, наконец, – к вершине структуры, или смыслу. Доказательством верности полученных выводов оказывается стройность «проявленной» структуры и невозможность «выстроить» ее как-то иначе.

Аналогичным образом происходит постижение константных смыслов и при личностном/индивидуальном восприятии: навыки многоуровневого ментального оперирования «прокладывают» путь к искомому результату. К сожалению, однако, такой вариант личностных «встреч» с воспринятым произведением случается далеко не всегда. Как свидетельствуют результаты комплексных социологических исследований с использованием семиосоциопсихологических методов и подходов, способность к адекватному пониманию константных смыслов в воспринятых произведениях обнаруживают далеко не все участники экспериментов (Массовая..., 1980; Дридзе, 1984; Адамьянц, 2015).

Процедура изучения особенностей понимания латентных константных смыслов состоит, во-первых, в доказательном «проявлении» виртуальной мотивационно-целевой структуры и, во-вторых, в изучении особенностей отражения проявленной структуры в ответах респондента на содержащиеся в анкете просьбы *рассказать о том, что именно хотел сказать, передать, выразить автор*, выделить в произведении главную мысль, обозначить свое отношение, точку зрения и т.д. Полученные ответы позволяет оценить, насколько интерпретации респондента оказались *адекватными интенции автора*; речь идет не об обязательном согласии с автором, а об умении и

стремлении его адекватно понять. Появляется и возможность выделить условные *социоментальные группы* (применяется также термин «*группы сознания*»), дифференцированные по проявленным навыкам понимания латентных смыслов в воспринятых произведениях/материалах. Параметры таких групп в разных исследованиях колеблются в зависимости от степени сложности, жанровых особенностей воспринятого произведения/материала, убедительности и творческих способностей автора. В исследованиях прикладного плана чаще применяется следующий вариант социоментальной дифференциации:

1) *группа адекватного понимания* (респондент «добирается» до вершины структуры, то есть до авторской интенции, происходит так называемый «смысловой контакт»); число представителей такой группы в разных исследованиях составляет от 13 до 44%;

2) *группа частично адекватного понимания* (респондент «добирается» до середины структуры, авторской интенции он «не видит», ответ сводится к пересказу содержания и/или к банальным сентенциям); число представителей такой группы в разных исследованиях составляет 30-35%;

3) *группа неадекватного понимания* (респондент «не видит» ни содержания, ни, тем более, авторской интенции; он либо вообще ничего не отвечает, либо отвечает на вопросы, которые ему не задавали); число представителей такой группы в разных исследованиях также составляет 30-35% (Адамьянц, 2020: 43-44; Адамьянц, 2015: 120-121).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). «Вклю-

ченность» человека в мир цифры не является, как следует из проведенного нами анализа, гарантией адекватного понимания латентных смыслов. В качестве доказательства приведем исследовательские данные, полученные в серии комплексных междисциплинарных проектов РФФИ², в рамках которых изучались традиционные социологические (пол, возраст, образование, род занятий, место жительства), социально-психологические (интересы, предпочтения, надежды, эмоциональное самочувствие и т.д.), а также семисоциопсихологические (особенности понимания латентных смыслов в воспринятых произведениях/материалах) характеристики каждого из респондентов; особо отметим, что абсолютно все участники оказались пользователями интернет-ресурсов (в ответах на вопросы анкеты рассказывали о посещаемых ими сайтах, блогах и других источниках информации в Интернете).

К вопросу о репрезентативности. В соответствии с проектными заданиями, в центре внимания оказались отдельные социально-демографические группы: студенты вузов, учащиеся школ и техникумов, работающая молодежь и т.д. Поскольку на всех этапах изучения соблюдался (и фактически был значительно перевыполнен) важный для социологического анализа *принцип минимальной базовой группы*, согласно которому следует изучить не менее 25-30 единиц анализа по каждой из независимых переменных (Гурвич, 1973), приведенные ниже данные можно рассматривать как характерные для всей совокупности обозначенных социально-демографических групп. Исследования позиционируются как *качественные, направленные на прослежи-*

² Развитие коммуникативных навыков личности в зависимости от степени диалогичности социокультурной среды. НИР: грант № 08-06-00487. Российский фонд фундаментальных исследований, 2008-2010. (См.: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50689604>); Качественные индикаторы процессов самоорганизации и самоопределения в социуме. НИР: грант № 11-06-

00503. Российский фонд фундаментальных исследований, 2011-2013. (См.: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50523978>); Задачи и методы социоментального развития современной молодежи: теория, исследования, эксперименты. НИР: грант № 15-06-02540. Российский фонд фундаментальных исследований, 2015-2017. (См.: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50631469>).

вание тенденций во влияниях и взаимовлияниях между особенностями понимания латентных смыслов (принадлежностью к той или иной социоментальной группе) и процессами социализации и социальной адаптации в рамках исследуемых социально-демографических групп.

При изучении особенностей понимания латентных смыслов каждому респонденту, в дополнение к анкете, обязательно предлагался также текст избранного для эксперимента произведения (статьи, стихотворения, притчи), даже в тех случаях, когда это произведение изучали в школе. Не предлагались к ознакомлению заново только такие произведения, которые респондент называл, в ответ на просьбы анкеты, как «самые любимые» или – как «повлиявшие на мировидение». Приведем полученные результаты.

Особенности понимания смысла (авторской интенции) любимой в детстве сказки, мультфильма или понравившегося произведения (по собственному выбору): адекватное понимание – 26%; частично адекватное – 49%; неадекватное – 25%. Всего опрошено 257 студентов вузов и представителей работающей молодежи, опрос проходил в 2008-2010 гг.

Особенности понимания смысла (авторской интенции) произведения, повлиявшего на мировидение (по собственному выбору): адекватное понимание – 17%; частично адекватное – 45%; неадекватное – 37%. Всего опрошено 225 студентов вузов и учащихся техникумов, опрос проходил в 2011-2013 гг.

Особенности понимания смысла (авторской интенции) воспринятой в процессе опроса притчи «Мудрый странник»:

- студентами вузов и старшеклассниками (213 чел.): адекватное понимание – 47%; частично адекватное – 26%; неадекватное – 27%.

- рабочей молодежью (183 чел.): адекватное понимание – 28%; частично адекватное – 30%; неадекватное – 42%.

- представителями молодой интеллигенции (176 чел.): адекватное понимание – 56%; частично адекватное – 18%; неадекватное – 26%.

- обобщенные данные по всему массиву опрошенных (572 чел.): адекватное понимание – 47%; частично адекватное – 25%; неадекватное – 31%. Опрос проходил в 2015-2017 гг.

Особенности понимания смысла (авторской интенции) воспринятого в процессе опроса стихотворения А.Блока «Незнакомка» представителями молодой интеллигенции: адекватное понимание 13%; частично адекватное – 34%; неадекватное – 52%; всего в данной части опроса участвовали 145 чел. Опрос проходил в 2015-2017 гг.

О том, что факт приобщения к миру цифры не является гарантией адекватного понимания, свидетельствуют также сопоставимые (по параметрам «возраст» и «образование») данные двух исследований с дистанцией более 50 лет, где респондентам был предложен *один и тот же текст*, причем первые данные относятся ко времени, когда Интернета еще не было:

- в широко известном проекте «Общественное мнение» (1969-1974 гг.) смогли адекватно понять смысл предложенного сложного газетного текста на экономическую тему 35% от общего числа (75 чел) молодых респондентов с высшим образованием³. (Массовая информация ..., 1980; Дридзе, 1984);

- в специальном эксперименте, проведенном в 2017 г. в рамках уже упоминавшегося проекта РФФИ, смогли адекватно понять смысл этого же самого газетного текста на экономическую тематику всего 29% от общего числа (161 чел.) представителей молодежи с высшим образованием.

³ В данном проекте адекватное понимание смысла газетного текста по всему массиву опрошенных (300 чел.) проявили 14% респондентов; социологическая

выборка населения промышленного города (Таганрог, 1969 г.) была представительной (Массовая информация ..., 1980; Дридзе, 1984).

Примененные в анализируемых нами исследованиях многоуровневые анкеты включали, в числе других тестов и заданий, комплекс вопросов, «проявляющих» социально значимые грани личностных «картин мира» каждого из участников: интересы, предпочтения, эмоциональные состояния, особенности ориентирования в социокультурной среде. Сопоставление полученных сведений о значимых гранях личностных «картин мира» с данными о принадлежности испытуемых к той или иной социоментальной группе позволили *вывод о тенденции к взаимозависимости между принадлежностью респондентов к группе по особенностям понимания латентных смыслов и – качественными характеристиками их социализации и социальной адаптации.*

Так, в ответ на просьбу анкеты назвать несколько актуальных, с точки зрения респондента, проблем современной России и выстроить их по степени значимости (ранжировать) представители группы адекватного понимания (*далее – первой группы*) не только проявили *знание социально значимых проблем*, но и умение их сформулировать, определить приоритеты. Средние показатели по данному параметру оказались у представителей группы частично адекватного понимания (*далее – второй группы*) и самые низкие – у представителей группы неадекватного понимания (*далее третьей группы*).

Один из аспектов социализации – знание человеком публичных персон, чьи имена типичны для его социокультурной среды. Тенденция к определяющей роли навыков понимания наблюдалась и здесь, причем в целом представители первой группы смогли назвать значительно больше имен тех, чье мнение важно для них, нежели представители двух остальных групп. Обнаружилась и тенденция к разной степени значимости сфер деятельности публичных персон, на чье мнение респонденты ориентируются: представители первой и второй групп чаще (в процентном выражении) называли политиков и аналитиков, в то время как представители третьей

группы чаще заявляли о влиянии на их решения и оценки представителей массовой культуры или людей с неоднозначным в общественном мнении имиджем.

Одной из значимых для нашего анализа характеристик могут служить данные об особенностях таких аспектов «картин мира» респондентов, как представления о «желательном» и «нежелательном». В числе вопросов, предложенных участникам опроса, были просьбы назвать то, «*чего бы хотелось*», и то, «*чего бы не хотелось*» (готовых вариантов ответов не предлагалось, можно было выразить любые пожелания). Тенденция к большей активности при ответах, а также и к большей социальной ориентации социальных представлений («картин мира») проявилась в ответах представителей первой и второй групп.

Важной характеристикой качества социальной адаптации личности служат и особенности эмоционального реагирования на «*мир вокруг*». Это и социум, и группа, с которой человек себя соотносит, и формальные и неформальные коллективы, и семья, и взаимодействующая с человеком социокультурная среда. Светлые, оптимистичные реакции и эмоции, конечно же, более желательны и для социума, и для каждого отдельного человека, нежели тревожность, страхи, обиды, разочарования, недовольство, раздражение, наличие фобий. Тенденции в преимуществах ответов первой и второй групп прослеживались и при анализе данной характеристики: число светлых, оптимистичных описаний личностных ощущений «мира вокруг» здесь оказалось значительно выше (в процентном выражении), нежели в ответах третьей группы.

Похожая тенденция обнаружилась и при анализе данных об особенностях «включенности» человека в социально-коммуникационную сферу мира цифры: имеется в виду обращение к сайтам, блогам, интернет-ресурсам, платформам и т.д. Представители первой и второй групп, как оказалось, чаще (в процентном выраже-

нии), обращаются к информационным, аналитическим, развивающим и познавательным материалам, в то время как представители третьей группы чаще ориентированы на развлечение или на материалы с оттенком сенсационности, сентиментальности, скандальности, различного рода мистики.

Ценными для нашего анализа оказались также данные о тенденциях во взаимовлияниях и взаимозависимостях между личностными навыками понимания латентных смыслов и особенностями взаимоотношений в коллективах старшеклассников и учащихся техникумов (для получения таких данных была проведена социометрия). Всего было опрошено 203 респондента, из них 17% оказались представителями первой группы, 39% – второй группы и 44% – третьей группы; изучение проводилось в 2011-2013 гг. Приведем полученные результаты:

- считают, что в случае угрозы возникновения конфликтной ситуации в коллективе следует *попытаться предотвратить ее словами* 62% представителей первой группы, 54% – второй группы и 51% – третьей группы;

- в случаях реальных конфликтных ситуаций в коллективе пытаются урегулировать ситуацию на вербальном уровне (уговорами и обсуждениями) 68% представителей первой группы, 50% – второй группы и 49% – третьей группы;

- в составе учебных коллективов, которые учителя и преподаватели охарактеризовали как «дружные», представителей первой группы (адекватного понимания) оказалось 22%, в коллективах, охарактеризованных как «дружные, но с конфликтами» – 16%, в коллективах с оценкой «недружные» – 9%;

- в составе учебных коллективов, которые учителя и преподаватели охарактеризовали как «дружные», представителей третьей группы (неадекватного понимания) оказалось 38%, в коллективах, охарактеризованных как «дружные, но с конфликтами» – 41%, в коллективах с оценкой «недружные» – 74%;

- лидерами коллективов, по мнению учителей и преподавателей, названы 29% представителей первой группы, 10% – второй группы и 7% – третьей группы;

- самыми авторитетными в коллективе, по мнению самих учащихся, являются 15% представителей первой группы, 6% – второй группы и 1% – третьей группы;

- не пользуются авторитетом в коллективе, по мнению самих учащихся, 24% представителей первой группы, 33% – второй группы и 45% – третьей группы.

- средний балл «пять» по трем любимым предметам (можно было назвать любые предметы) оказался у 72% представителей первой группы, 67% – второй группы и 54% – третьей группы.

Комплекс приведенных выше данных свидетельствует о социально значимых преимуществах (на уровне тенденций) представителей первой группы – тех, кто обладает навыками адекватного понимания латентных смыслов. И поскольку в современном цифровом мире каждый человек, независимо от места проживания, пола, возраста, рода занятий и уровня образования, ежедневно и ежечасно встречается, зачастую без его желания или согласия, с самыми различными материалами, произведениями, рекламой и т.д., закономерен вопрос о том, возможно ли научить адекватному пониманию и ориентированию в сфере социальной коммуникации? Исследовательские данные свидетельствуют о такой возможности.

Первые эксперименты по развитию навыков понимания провела автор семиосоциопсихологической концепции Т. М. Дридзе в процессе учебных занятий со студентами. Результатом оказалось утверждение о том, что «...названная характеристика... поддается формированию в процессе обучения» (Дридзе, 1984: 221).

В рамках уже упоминавшегося проекта РФФИ, реализованного в 2015-2017 гг., был проведен эксперимент по развитию навыков понимания у студентов; изучались особенности понимания латентных смыслов в равноценных по сложности и жанру

произведениях ДО и ПОСЛЕ знакомства с основными принципами и процедурами метода интенционального (мотивационно-целевого) анализа. Несмотря на небольшой срок, отведенный на теоретические и практические занятия, полученные результаты показали положительную динамику⁴.

Закономерен также вопрос об аналогичных данных у зарубежных исследователей. В соответствии с Болонскими образовательными стандартами, которым следует большинство стран мира (а до недавнего времени и наша страна), критериями исследований понимания текста в широко известных международных программах PISA и PIRLS служат такие показатели, как скорость чтения, механическое запоминание и прагматичное, то есть вне связи с авторской интенциональностью, интерпретирование (что узнал полезного для себя) (Mullis and Martin, 2012). Изучение особенностей навыков понимания глубинных смыслов и, тем более, мероприятия по их развитию – а здесь залог ментальных противодействий к воздействиям и манипуляциям – в задачи Болонских образовательных стратегий не входят.

Заключение (Conclusions). Исследовательские данные о разном уровне навыков понимания в сфере социальной коммуникации ни в коем случае не следует рассматривать как свидетельство умственного отставания части опрошенных нами респондентов: напомним, что способность к адекватному пониманию латентных смыслов – это особого рода природный дар, талант, а талант, как известно, присущ не всем; к тому же человек, не имеющий привычки и способностей к многоуровневому ментальному «препарированию» воспринятых произведений, может обладать другими замечательными талантами – например, в математике или в каком-то виде творчества, в трудовой деятельности.

⁴ В настоящее время занятия, направленные на развитие навыков понимания латентных смыслов, включены в учебные планы ряда вузов в рамках

Напомним также и об утверждении бесспорного авторитета в философской мысли о том, что «...человеческий разум в сфере морального, даже при самом обыденном рассудке, легко может достигнуть высокой степени правильности и обстоятельности» (Кант, 1965: 226).

Тем не менее, навыки адекватного понимания латентных смыслов, «таящихся» в социально-коммуникативной сфере цифрового мира, в который все мы буквально «погружены», начиная с самих ранних лет, – ценное и даже необходимое качество современного человека. Понятно, что для массового совершенствования менталитета наших соотечественников необходимы комплексные усилия и действия, в первую очередь со стороны органов образования и культуры. Однако тезис «умные люди для умных городов» не должен оставаться вне поля внимания также и при определении стратегий городского и регионального развития: здесь залог гармоничной и счастливой жизни людей в городах (поселках, селах и т.д.), где они учатся, трудятся, растят детей, заботятся о старшем поколении, природе, окружающем мире и сохранении лучших традиций.

Список литературы

Адамьянц Т. З. Социальные коммуникации: учебник для вузов (Высшее образование). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 2020. URL: <https://urait.ru/bcode/455337> (дата обращения: 22.04.2024).

Адамьянц Т. З. Социоментальные группы в социальном познании // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 117-128. EDN: UCFOAN.

Адамьянц Т. З. Умные люди для «умных» городов (в свете идей Т. М. Дридзе) // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 1. С. 17-26. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-2.

Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное

учебных дисциплин по социальной коммуникации (Адамьянц, 2020).

управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн. М.: 2000. Кн. 1. С. 5-42.

Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука. 1984. 267 с.

Гурвич Ф. М. Методы и процедуры получения экспертной информации (ч. 1) // Экономика и математические методы. 1973. Т. IX, № 5. С. 962-975.

Гурвич Ф. М. Методы и процедуры получения экспертной информации (ч. 2) // Экономика и математические методы. 1973. Т. IX, № 6. С. 1157-1169.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодёжи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. Ежегодник. 2017. Вып. 15. М.: Новый Хронограф. С. 12-48.

Леверовская Я. В., Балцевич В. А., Балцевич С. Я. Социальная адаптация // Социология: Энциклопедия. / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск: Книжный дом. 2003. С. 941-942.

Кант И. Основы метафизики нравственности (1785) // Кант И. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 221-313.

Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Под общ. ред. Б. А. Грушина, Л. А. Ониква. Москва: Политиздат, 1980. 446 с.

Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. Отв. ред. Т. М. Дридзе. Изд. второе, исправленное и дополненное. М.: Наука. 1994. 303 с.

Расходчиков А. Н. Искусственный интеллект и «умный город»: от цифровизации к городу-инновации // Социально-политические науки. 2022. № 4. С. 47-54. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-47-54.

Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74-81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0.

Шилова В. А., Богданов В. С. Управление в цифровом обществе (по материалам круглого стола) // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 158-160. DOI: 10.31857/S013216250021653-1.

Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В.П. Визигина и Н.С. Автономовой. СПб. А-сэд. 1994. 405 с.

Gadamer H.-G. Philosophical Hermeneutics / Transl. and ed. by D.E. Linge. Berkeley: Univ. of California Press, 1976. 243 p.

Mullis I. V. S., Martin M. O., Foy P., Drucker K. T. Chestnut Hill. MA: TIMSS & PIRLS International Study Center, Boston College. 2012.

Peirce Ch. Scientific metaphysics // Collected Papers of Charles Peirce, Vol. 2 in 1, Vol. 6. The Belknap press of Harvard university press, 1976. 462 p.

References

Adamyants, T. Z. (2020), *Sotsialnye kommunikatsii: uchebnik dlya vuzov* [Social communications: textbook for universities], Higher education. 2nd ed., reprint. and additional, Yurayt, Moscow, Russia, [Online], available at: <https://urait.ru/bcode/455337> (Accessed 22 April 2024). (In Russian)

Adamyants, T. Z. (2015), "Sociomental groups in social cognition", *Sociological Studies*, (7), 117-128. (In Russian)

Adamyants, T. Z. (2023), "Smart people for smart cities (in the light of T.M. Dridze's ideas)", *Research Result. Sociology and Management*, 9 (1), 17-26. (In Russian) DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-2

Dridze, T. M. (1984), *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture Sotsialnoy kommunikatsii* [Text activity in the structure of social communication]. Nauka, Moscow, Russia, 267. (In Russian)

Dridze, T. M. (2000 a), "Two New Paradigms for Social cognition and Social Practice", *Sotsialnaya kommunikatsiya i sotsialnoe upravlenie v ekoantropotsentricheskoy i semiosotsiopsikhologicheskoy paradigmah: v 2 knigakh, kniga 2*. [Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms: in 2 books. Book 1], IS RAN, Moscow, Russia, 5-42. (In Russian)

Gurvich, F. M. (1973), "Methods and procedures for obtaining expert information" (Part 1), *Economics and mathematical methods*, IX (5), 962-975. (In Russian)

Gurvich, F. M. (1973), "Methods and procedures for obtaining expert information" (Part 2), *Economics and mathematical methods*, IX (6), 1157-1169. (In Russian)

Zubok, Y. A. and Chuprov, V. I. (2017), "Modern sociology of youth: Changing reality and

new theoretical approaches”, *Rossiya reformirujesya*. Ezegodnik. Vpusk 15. [Reforming Russia. The yearbook. Issue 15. Moscow, Russia, New Chronograph, 12-48. (In Russian)

Leverovskaya, Y. V. and Baltsevich V. A. and Baltsevich S.J. (2003), “Social adaptation”, *Sociology: An Encyclopedia*, comp. by A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko, Book House, Minsk, 941-942. (In Russian)

Kant, I. (1965), “Fundamentals of the metaphysics of morality (1785)”, *Sobranie sochineny v 6 t.* [Collected works: in 6 volumes.]. Vol. 4. Part 1. Musl'. Moscow, Russia, 221-313. (In Russian)

Massovaia informatsia v sovetskom promyshlennom gorode: opyt kompleksnogo sotsiologicheskogo issledovaniya (1980), [Mass information in the Soviet industrial city: The experience of a comprehensive sociological study], in B. A. Grushin, L. A. Onikov, Politizdat, Moscow, Russia, 446. (In Russian)

Prognoznoe Sotsialnoe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy (1994), [Predictive social design: theoretical, methodological and methodological problems], in T. M. Dridze, second edition, corrected and supplemented, Nauka, Moscow, Russia, 303. (In Russian)

Rashodchikov, A. N. (2022), “Artificial intelligence and “smart city”: from digitalization to the city-innovations”, *Socio-political Sciences*, (4), 47-54. (In Russian). DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-47-54. (In Russian)

Tikhonov, A. V. and Bogdanov, V. S. (2020), “From “smart regulation” to “smart management”: the social problem of digitalization of feedbacks”, *Sociological Studies*, (1), 74-81. (In Russian) DOI 10.31857/S013216250008325-0. (In Russian)

Shilova, V. A. and Bogdanov, V. S. (2022), “Governance in a digital society (based on the materials of the round table)”, *Sociological Studies*,

(11), 158-160. (In Russian). DOI 10.31857/S013216250021653-1. (In Russian)

Foucault, M. (1994), *Slova i veschi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences], transl. by V.P. Vizgin, N.S. Autonomova, A-cad Publ., St. Petersburg, Russia, 405. (In Russian)

Gadamer, H.-G. (1976), *Philosophical Hermeneutics*, University of California Press, United States, 243.

Mullis, I. V. S., Martin, M. O., Foy, P., & Drucker, K. T. (2012), Chestnut Hill, MA: TIMSS & PIRLS International Study Center, Boston College.

Peirce, Ch. (1976), “Scientific metaphysics”, *Collected Papers of Charles Peirce*, 2 vols. in 1, 6, The Belknap press of Harvard university press, 462 p.

Статья поступила в редакцию 25 апреля 2024 г. Поступила после доработки 25 мая 2024 г. Принята к печати 10 июня 2024 г.

Received 25 April 2024. Revised 25 May 2024. Accepted 10 June 2024.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Адамьянц Тамара Завеновна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Tamara Z. Adamyants, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.